

**«МУЖ СВЯТОГО ТРУДА»:
СЕМИНАРСКИЙ УЧИТЕЛЬ
ФАВСТ ВАРФОЛОМЕЕВИЧ ПРОКОПОВИЧ
(1842–1912)**

Иерей Гордей Щеглов

Аннотация. В статье на основе архивных и печатных источников осуществлена попытка реконструкции биографии одного из преподавателей Минской духовной семинарии дореволюционного периода, а именно Фавста Варфоломеевича Прокоповича (1842–1912). Еще современники-коллеги обращали внимание на его длительный, более 40 лет, преподавательский труд, как на «подвиг, достойный быть отмеченным в истории нашей духовной школы». Именно это пожелание и послужило поводом к написанию данного биографического очерка.

Ключевые слова: Нобель, Прокопович, Минская духовная семинария, Киевская духовная академия, преподаватель, стихи.

Образец цитирования: Щеглов Гордей, иерей. «Муж святого труда» : семинарский учитель Фавст Варфоломеевич Прокопович (1842–1912) / иерей Гордей Щеглов // Труды Минской духовной семинарии. – 2021. – № 1. – С. 47–83.

Морозным утром 20 января 1912 г. Минская духовная семинария провожала в последний путь старейшего своего преподавателя Фавста Варфоломеевича Прокоповича. В надгробном слове его коллега священник Стефан Кульчицкий, в частности, говорил: «Уже внешняя сторона жизни и служебной деятельности почившего представляла собою редкое и высокопоучительное зрелище. Сорок с лишним лет прослужить на неблагодарном педагогическом поприще, притом в одном и том же учебном заведении, – это великое дело чтобы не сказать подвиг, достойный быть отмеченным в истории нашей духовной школы вообще»¹.

¹ Кульчицкий, Ст[ефан], свящ. Слово, сказанное при погребении преподавателя Минской Духовной Семинарии Фавста Варфоломеевича Проко-

Пусть эти последние слова, прозвучавшие 110 лет назад, послужат основанием для нашего исследования.

Действительно, почти полвека провел Ф. В. Прокопович в стенах Минской духовной семинарии: сначала в качестве воспитанника, а затем – преподавателя. На его глазах проходили преобразования учебного процесса, изменения внутреннего уклада и быта, перемены в настроениях воспитанников, вызываемые социальными сдвигами и революционными брожениями.

Удивительно, как тепло откликнулись семинаристы и бывшие ученики на смерть почтенного учителя. Некоторые даже посвятили ему стихи, опубликованные на страницах «Минских епархиальных ведомостей». За всю историю их издания вы больше не встретите подобного примера, чтобы некрологи семинарских преподавателей сопровождались стихами благодарных воспитанников. Это дорогого стоит!

Не так-то легко было заслужить уважение и любовь в бурсацкой среде. Семинарская братия зачастую совсем не жаловала своих наставников: насмехалась, пародировала, придумывала едкие прозвища и пр. Может, и у Фавста Варфоломеевича было какое-то безобидное прозвище, мы не знаем. Но мы точно знаем, что его любили за его доброту, человечность, терпение и снисхождение.

В настоящем небольшом исследовании мы постарались реконструировать не только жизнь Фавста Варфоломеевича, но и по возможности предков.

Дед его – Стефан Прокопович родился в 1756 г. еще в Речи Посполитой. Первоначально проживал в селе Жировицкая Каменница Брестского повета. Чем занимался неизвестно. Супругу его звали Агафья Ивановна (около 1762 г. р.).

Когда их старший сын Стефан Стефанович (1778 г. р.) принял сан священника и в 1812 г. стал настоятелем церкви

повича за Божественной Литургией после причастия / священник Стефан Кульчицкий // Минские епархиальные ведомости. – 1912. – № 3. – С. 48.

Фавст Варфоломеевич Прокопович
(1842–1912)

Рождества Богородицы в деревне Семеховичи Пинского уезда, он забрал родителей к себе. Отец занял при церкви место дьячка². Приход был униатским.

В семье Стефана Прокоповича-старшего был не один ребенок, но нас интересует в первую очередь сын Варфоломей. Родился он в 1807 г. в Каменице Жировицкой. Обучался сперва в доме родителей русской и польской грамоте, а затем «нравственной богословии» в Литовской униатской духовной семинарии в местечке Жировичи Слонимского уезда Гродненской губернии.

В 1833 г. Варфоломей окончил учебу и вскоре женился на 25-летней девице Марии – дочери священника Иосафата Кузьминского, настоятеля Преображенской церкви в местечке Нобель (Нобля) Пинского уезда Минской губернии³.

28 августа 1833 г. Литовский униатский епископ Иосиф (Семашко) рукоположил Варфоломея в викарного священника к Воловельской Рождества-Богородицкой церкви. А в 1838 г. Варфоломей Прокопович был назначен настоятелем Преображенской церкви в местечко Нобель, на место тестя – священника Иосафата Кузьминского⁴.

Местечко Нобель находилось в 42-х верстах к юго-западу от Пинска и располагалось на вытянутом полуострове, окруженном с трех сторон водами Нобельского озера. Вокруг него тянулись поля, принадлежавшие нобельским мещанам, а за ними простирались обширные труднопроходимые болота, пересекаемые многочисленными реками, речками и ручейками.

² Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 136. Оп. 1. Д. 41258. Л. 104; Лісейчыкаў, Д. Святар у беларускім соцыуме : прасапаграфія ўніяцкага духавенства 1596–1839 гг. / Дзяніс Лісейчыкаў. – Мінск, 2015. – С. 427.

³ Теперь это село Заречненского района Ровненской области Украины.

⁴ НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 40740. Л. 181 об.

Впервые Нобель упоминается в летописях еще в древнерусскую эпоху. Это было небольшое укрепление в составе Турово-Пинского княжества. Согласно письменным источникам в XVI ст. в Нобеле существовало пять церквей⁵, при одной из которых действовал мужской монастырь. Для этой обители в 1520 г. было создано известное Нобельское Евангелие. Из послесловия к основному тексту мы узнаем, что «...книга эта, названная Евангелие тетр, создана при короле Сигизмунде, епископе Ионе, владыке Туровском и Пинском, при князе Федоре Ярославовиче, повелением христолюбца, раба Божия Симеона Батиевича, старца Хоинского, и дана в храм... Святого Николая в Нобле»⁶.

В настоящее время Нобельское Евангелие хранится в Вильнюсе в библиотеке Академии наук Литвы. Но в первой половине XIX века оно еще находилось в нобельской Преображенской церкви.

После Люблинской унии местечко оказалось во владении польских магнатов и шляхты. Турово-Пинские князья постепенно отошли от веры предков – православия, окатоличились и утратили связь с духовно-национальными корнями. С того времени Нобель начинает приходить в упадок, теряет торгово-экономическое значение, а духовная жизнь в нем угасает, и на место православия приходит униатство⁷.

После третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. Нобель оказался в составе Российской империи.

⁵ По поводу освящения Нобельской церкви Пинского уезда // Минские епархиальные ведомости. – 1889. – № 18. – С. 513.

⁶ Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки, состоящей под августейшим покровительством его императорского высочества государя наследника цесаревича Александра Александровича : [Труд Петра Гильдебрандта]. – Вып. 1. – Вильна : Вилен. публ. б-ка, 1871. – С. 21.

⁷ Нобель літописний (бібліографічна розвідка) / Зарічненська ЦРБ. – Зарічне, 2018. – С. 8.

Приняв настоятельское место в Нобеле, священник Варфоломей вместе с тем взял на свое содержание детей умершего священника Иосафата Кузьминского: Фавста, Магдалину и Макрину. При этом в семье Прокоповича к тому времени было уже четверо собственных детей, и кроме того, с ним проживала престарелая мать – Агафья Ивановна⁸. Но таковы были традиции, неустроенных сирот не бросали.

В 1839 г. произошло воссоединение белорусско-литовских униатов с Православной Церковью, вследствие чего уния на этих землях прекратила существование, а все бывшие униатские приходы сделались православными.

Нобельская Преображенская церковь располагалась на восточном берегу полуострова, на довольно высоком холме, в виде мыса, врезающего в озеро. Согласно клировой ведомости построена она была в 1794 г. тщанием прихожан. Зданием была деревянная с такою же колокольней. В 1840 г. церковь и колокольня на средства все тех же прихожан были «возобновлены крепко». Священник проживал в собственном доме на купленной земле.

12 января 1842 г. в семье священника Варфоломея родился очередной ребенок. Назвали его Фавстом. Это и есть главный герой нашего очерка. Кроме него в семье были еще дети: Схоластика 10-ти лет, Флор 8-ми, Магдалина 7-ти и Иван 5-ти лет. Была еще дочь Антонина, родившаяся в 1839 г., но она умерла в раннем возрасте. Таким образом Фавст оказался среди братьев и сестер самым младшим.

В том же году произошло важное событие в жизни приходского духовенства – были введены казенные оклады. Согласно Высочайше утвержденным 4 апреля 1842 г. новым приходским штатам, Нобельский приход причислялся к 5-му классу. Причт церковный в нем составляли: священник, дьячок,

⁸ НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 40668. Л. 215 об.

пономарь и просфирня. Годичное жалование причту полагалось 159 рублей. Кроме того, причт пользовался землей: усадебной, пахотной и сенокосной – общей площадью около 30 десятин. Приход считался немногочисленным: прихожан числилось около 800 душ обоего пола. Большей частью это были мещане, занимавшиеся хлебопашеством и рыбной ловлей. Надо сказать, что в нравственном отношении паства была далеко не благополучна. Среди прихожан царили невежество, грубость и даже дикость, религиозный индифферентизм, косность и суеверие. Отрезанный от остального мира водой, непроходимыми болотами и дремучими лесами Нобель поистине являлся в то время глухим «медвежьим» углом. Здесь в этой глухомани со стороны местных сельских и уездных властей зачастую совершались возмутительные деяния в отношении угнетенных и обездоленных полешуков. И как следствие всего этого: полнейшее бесправие, невежество и страшная, доходящая почти до нищеты, бедность местных обывателей⁹.

Поэтому неудивительно, что священник Варфоломей несколько раз пытался перевестись на другой, более лучший, приход. Так в мае 1846 г. он подал прошение о переводе на имя Минского архиепископа Антония (Зубко), в котором изложил причину этому. «Хотя я доволен и настоящим местом по милости Вашего Высокопреосвященства, – писал Прокопович, – но низменные и болотистые места, имеющие в средоточии своем большие озера и реки, угрожающие всегда опасностью жизни в переправе к полям фундушевым, и покрывающие ежегодно водным разлитием посевы, от чего всегда претерпеваю большие невыгоды и недостатки в хозяйстве, которые заставляют меня искать другого места. Но как ныне приход Мистковицкой церкви находится праздным, который против Нобельско-

⁹ Сомкович Иулиан, священник. Протоиерей Флор Варфоломеевич Прокопович. (Некролог) / священник Иулиан Сомкович // Минские епархиальные ведомости. – 1878. – № 6. – С. 119.

го кажется выгоднейшим, а потому припадая к Святительским стопам, слезно прошу Вашего Высокопреосвященства перевести меня с настоящего места к Мистковицкой Троицкой церкви и удостоить меня Милостивейшею Архипастырской резолюцией»¹⁰.

Но епархиальное начальство отказалось перевести отца Варфоломея на Мистковицкий приход, так как туда планировали назначить другого священника.

В сентябре Прокопович написал епархиальному архиерею другое прошение. «Положение моего здоровья и домашние обстоятельства заставляют меня искать другого места, – снова сетовал он. – Пинского же уезда в селе Бухличах при Рождество-Богородицкой церкви, состоящей 6-го штата, за смертью приходского священника, последовавшей в течение сего месяца, священническое место остается праздным. Я, оставляя пятиклассный приход в Нобле, счастливым бы себя почел, если бы мог удостоиться получить низший приход в селе Бухличах при тамошней приходской церкви и был бы опять доволен; почему припадая к Святительским стопам Вашего Высокопреосвященства, всепокорнейшее прошу переместить меня к Бухличской Рождества-Богородицкой церкви на праздное священническое место, и о том не оставить меня Высокомилоостивой Вашею Архипастырскою резолюцией»¹¹.

Но и на этот раз ему было отказано ввиду того, что на просимое место уже назначили другого священника.

Так и прослужил священник Варфоломей Прокопович на Нобельском приходе до конца жизни. Местный благочинный так характеризовал его: «поведения нехудого, судим и штрафован не был и под следствием не состоял, чтение и пение знает, а Катехизис мало»¹².

¹⁰ НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 20186. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 9–9 об.

¹² Там же. Л. 2–2 об.

Когда пришло время Фавсту получать духовное образование, отец определил его в Мелецкое духовное училище¹³. Открыто оно было в 1833 г. в местечке Мельцы Ковельского уезда при базилианском монастыре, и первоначально относилось к Литовской греко-униатской епархии. В 1839 г. после воссоединения униатов училище сделалось православным, а в 1842 г. официально было признано в качестве православного уездного духовного училища для детей духовенства Луцкого, Ковельского и Владимирского уездов Волынской губернии. Подчинялось училище Волынской духовной семинарии.

Почему Фавст поехал учиться в Мельцы, в то время как в Пинске находилось свое уездное училище, сказать трудно. Возможно, рядом проживали какие-то родственники, которые могли поддерживать его во время учебы. Так, например, в селе Счасновка Кременецкого уезда служили священники Прокоповичи.

Началась для юного Фавста бурсацкая жизнь. Как она протекала мы не знаем. Можем лишь догадываться, что учился он очень хорошо.

Духовное училище давало начальное образование сыновьям священнослужителей, подготавливая их к поступлению в духовные семинарии.

Хочется обратить внимание на одну особенность. В то время на белорусских землях еще сохранялось сильное влияние польской культуры и, в частности, языка. В семьях священников, особенно бывших униатов, говорили преимущественно на польском. Если священнические сыновья, получая какое-либо образование, еще владели русской грамотой, то девочки, традиционно не обучавшиеся, чаще всего даже говорить по-русски не умели. Таким образом, женская половина семей духовенства волей-неволей оказывала польскоязычное вли-

¹³ НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 20186. Л. 9–9 об.

яние на все семейство. И неудивительно, что священнические дети, находясь под влиянием матерей-«полек», с малых лет приучались к польскому языку, на котором говорили не только во время приездов домой на вакации из училищ и семинарий, но и после завершения учебы. Поэтому обычным явлением выглядело то, что и священнослужители и семинаристы употребляли между собой в основном польский язык, отчего в большинстве своем по-русски говорили с затруднением¹⁴. Освобождение края от польского влияния в то время было еще задачей будущего.

В период обучения Фавста в училище умер его отец. Священник Варфоломей скончался в 1857 г. Епархиальное начальство решило удержать приход за Прокоповичами, передав его старшему сыну Флору, учившемуся в то время в 5-м классе Минской духовной семинарии. Однако поставило условие, что тот будет посвящен в сан лишь после окончания полного семинарского курса. А чтобы поддержать вдову – Марию Иосафатовну, Минская духовная консистория распорядилась назначить ее на должность штатной просфирни к приходской Преображенской церкви¹⁵.

В 1859 г. Фавст Прокопович перешел в Минскую духовную семинарию. Его старший брат Флор как раз в это время окончил в ней полный курс. Вскоре женился, и 15 августа бал рукоположен в сан священника с назначением на отцовский приход в Нобель¹⁶.

Поскольку Фавст к тому времени уже остался без отца, в семинарию он был принят на казенный кошт, то есть на казенное содержание. Вместе с тем время учебы его в семинарии

¹⁴ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. [Т. 15], ч. 2: Минская губерния. ч. 2 / сост. И. Зеленский. – СПб. : Гл. упр. Генер. штаба, 1864. – С. 442–443.

¹⁵ НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 40825. Л. 202 об.

¹⁶ Там же.

оказалось не самым лучшим в отношении быта. До перестройки семинарского здания воспитанники размещались в нем крайне скучено и с большим стеснением, при этом находясь в совершенно неудовлетворительных гигиенических и санитарных условиях. Но особенно тяжелыми были условия жизни воспитанников во время перестройки семинарского корпуса в 1862–1864 гг., когда учеников частью разместили в монастырском корпусе, частью на наемных квартирах, тесных и неудобных. Совсем иная жизнь началась для минских семинаристов с сентября 1864 г., когда они вновь перешли в собственное новое и благоустроенное здание.

Хотя и на последнем году обучения Прокопович все же смог порадоваться новым условиям быта. Количество помещений для живших в семинарском доме воспитанников было достаточное. Классные и жилые комнаты были светлы, сухи, теплы и вообще удобны. Для домашних занятий ученики размещались по отделениям – приблизительно по 40 человек – в трех обширных залах третьего этажа. Для спален на втором этаже были отведены 10 комнат, в два окна каждая, а также два обширных зала. Кроме того, в здании семинарии имелся просторный рекреационный зал, где совершались утренние и вечерние молитвы, и воспитанники отдыхали между уроками. Для хранения книг и мелких вещей ученики пользовались комодами, находившимися в комнатах для занятий. Белье и одежду хранили в личных сундуках, для которых была отведена комната в нижнем этаже.

Стол воспитанников семинарии в то время не отличался особой роскошью и обилием.

Обеспечение учеников одеждой было более или менее удовлетворительным. Каждому казеннокоштному ученику полагался суконный костюм, состоявший из сюртука, теплой фуфайки, или жилета с рукавами, и панталон – сроком на три года. Также на три года выдавался летний нанковый или лю-

стриновый костюм, и картуз – на три года. Теплых шинелей не полагалось. Поэтому сюртуки шились длинные, так как в зимнее время должны были заменить пальто. В этих суконных сюртуках ученики и ходили зимой в город, поддевая под них теплые жилеты с рукавами или фуфайки. Кроме того, казенно-коштным ученикам выдавалось белье: в один год по три пары, а в другой – по две. Сапоги выдавались ежегодно по две пары новых и одна ношенная.

Меж тем ученические костюмы из-за скудости ассигнуемых на них средств, были весьма невысокого качества. Сукно покупалось для них самое грубое. А поскольку работа портного оплачивалась очень дешево, то и фасон оставлял желать много лучшего. Естественно такие костюмы не могли удовлетворить даже самых невзыскательных учеников, и потому при малейшей возможности они на собственные средства старались улучшить свой гардероб. Мало того, из-за нехватки средств казенная одежда не выдавалась в установленные сроки. В действительности костюм служил гораздо дольше положенного времени и возобновлялся в случае крайней нужды по частям. Так что лишь немногие ученики в течение шестилетнего курса могли получать по два суконных костюма, как правило самые успешные в учебе. И обязательно новый костюм шился для посылаемых в духовную академию¹⁷.

В 1865 г. Фавст Прокопович окончил семинарию первым в списке успеваемости. Как лучший ученик был рекомендован к поступлению в Киевскую духовную академию. В тот год Прокопович оказался единственным из выпускников Минской семинарии, кто был направлен для продолжения учебы в академию.

Киевская академия принимала студентов в нечетные годы, как и Санкт-Петербургская.

¹⁷ Вержболович, М. История Минской Духовной Семинарии. Третий период ее существования (1840–1874 гг.) / М. Вержболович // Минские епархиальные ведомости. – 1902. – № 5. – С. 112–119.

На Минскую семинарию Киевская академия выделила одну казенную вакансию. На нее-то и рассчитывал Фавст Прокопович в случае успешного поступления. Приемные экзамены в Киевской академии в 1865 г. начинались с 17 августа. К этому сроку и нужно было явиться.

Вместе с тем семинария обязана была снабдить Прокоповича необходимыми документами (аттестатом, метрическими и медицинскими свидетельствами), прогонными деньгами для проезда, определенным количеством белья и обуви, а для пошива необходимой одежды по общему в академии образцу выслать академическому начальству 34 рубля 28 копеек¹⁸.

Приехав в Киев, Прокопович представился ректору академии архимандриту Филарету (Филаретову) и с его благословения разместился на время экзаменов в академическом корпусе, примыкавшем к Братскому Богоявленскому монастырю.

Начались экзамены. Профессора-экзаменаторы относились к поступающим без излишней строгости. 7 сентября объявили результаты. Из 52 человек, допущенных к экзаменам, были приняты в академию 48, и в их числе Фавст Прокопович. Так он стал студентом XXIV академического курса.

Вновь поступивших расселили по номерам. Находились они в среднем этаже нового академического корпуса и выходили окнами на Братский двор. Студентов младшего курса в каждом номере размещалось по 12 человек, и среди них один студент старшего курса, называвшийся «старшим».

«В состав нашего номера вошли хорошие ребята, – вспоминал сокурсник Прокоповича Николай Пальмов, – любившие попеть, поиграть на скрипке и побалагурить. На скрипке хорошо играл Фавст Прокопович; он доставлял нам удовольствие своей игрой, но досаждал ею инспектору архимандриту

¹⁸ Протоколы заседания Совета Киевской духовной академии // Труды Киевской духовной академии. – 1870. – Март. – С. 29–30.

Сильвестру, который частенько посылал келейника в наш номер с настоянием прекратить пение и игру. Нередко он указывал нам на гардеробную в верхнем этаже академического корпуса как на помещение, более приличное для пения и музыки, чем номер, назначенный для ученых занятий»¹⁹.

Помимо номеров на среднем этаже находился общий зал, служивший как для прогулок в свободные от занятий часы, так и местом для чтения.

В номерах студенты старались поддерживать чистоту и свежий воздух. Курение академическое начальство терпело лишь в умывальной комнате. На коридорах и в номерах курение преследовалось. Спальни были просторные. Воздуха хватало. Скущенности коек не было.

Столовая помещалась в нижнем этаже и спускаться в нее надо было ступени на две из коридора. В столовой всегда царило оживление, особенно в часы вечернего чаепития, когда к студентам приходили гости: земляки, приехавшие в Киев по своим делам или на богомолье, и знакомые из города.

Уклад студенческой жизни был таков. Вставали около 7 часов утра после чего все обязательно шли на молитву. На утренней и вечерней молитве присутствовал помощник инспектора, который мог устроить проверку присутствующих студентов по фамилиям.

После молитвы пили чай. При этом казенного чая не полагалось, и студенты сами покупали чай и сахар. В столовой по утрам, перед лекциями, и после обеда, учащиеся брали в кубе кипяток и устраивали чаепитие, собираясь иногда человека по три, по четыре. Раз в два дня студентам выдавали булку. Некоторые вместо чая пили молоко, находя молоко более полезным

¹⁹ Цит. по: Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг. : Материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА : в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский]. – Т. 2 : К–П. – К. : Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2015. – С. 448.

для здоровья и более приятным, нежели чай. Некоторые утром не пили ни молока, ни чая, но завтракали яйцом.

В час дня полагался обед. В будние дни он состоял из трех блюд, а в праздники из четырех. Кормили сытно и вкусно. Почти всем нравились коржи с миндальным или маковым молоком в постные дни и каша с сыром в скоромные дни. После обеда студенты любили часок-другой вздремнуть, «по-православному», как они сами выражались. Послеобеденный сон не разрешался тогдашними правилами, но инспекция смотрела на это явление сквозь пальцы. Вечерний чай разрешалось пить только до 5 часов, после чего столовая до ужина запиралась. Те, кто оставался без чая, вынуждены были идти в гостиницу «Москва» и за пятак брать кипяток к чаю и сахару, принесенным с собой.

Время до 8 часов вечера, когда полагался ужин, студенты проводили по-разному: занимались делами, гуляли, ходили в гости.

В 9 часов совершалась вечерняя молитва.

С 10 часов открывались спальни, и в большинстве случаев студенты довольно быстро укладывались спать. Однако, когда надо было готовиться к экзаменам или торопиться с подачей сочинения, могли засиживаться до глубокой ночи. Освещение в номерах было хорошее. Стеариновые свечи выдавались в достаточном количестве. Были они яркие, так что одной свечи на столе вполне было достаточно для работы.

Лекции начинались в 8 часов утра и длились до часа дня. Но надо заметить, что посещались они студентами не совсем аккуратно, поскольку молодость брала свое. Исправно посещались лишь лекции выдающихся профессоров, каковыми были, например, М. С. Гуляев, читавший лекции по Св. Писанию; отец Августин, преподававший обличительное богословие; В. Ф. Певницкий, читавший на младшем курсе у Прокоповича эстетику и обзор иностранной литературы, а на старшем –

церковное красноречие; П. А. Лашкарёв, излагавший учение о религиозной монументальности, и на старшем курсе знакомивший с основами и началами церковного законовещения; И. И. Малышевский, читавший русскую церковную историю.

Всеобщей симпатией среди студентов пользовался А. М. Воскресенский. Будучи профессором специального предмета, математики, он вместе с тем состоял и библиотекарем академии, «так что каждому студенту приходилось с ним соприкасаться. Добрый и отзывчивый человек, он никогда не отказывал поделиться своими знаниями со студентами по части приискания нужной книги или пособия». Выдача книг из библиотеки в то время производилась по записке, предварительно просмотренной и подписанной ректором. Но Воскресенский не всегда придерживался этой формальности и по просьбе студентов выдавал книги сверх тех, которые значились в записке, чем избавлял их от необходимости лишнего раз беспокоить ректора.

Ректор архимандрит Филарет в то время совсем не читал лекций, а только управлял академией. Авторитет его стоял на высоте. Студенты больше уважали его, чем боялись. Он располагал их к себе неизменной любезностью в обращении и строгой справедливостью. Отступлений от академических правил Филарет не терпел и строго карал нарушителей. При этом к провинившемуся студенту относился без малейшей злобы и забывал вину, если видел раскаяние, и, если поступок не угрожал чести академии или благу товарищей. О состоянии академии ректору докладывал инспектор, наблюдавший за порядком и сам получавший ежедневно доклады о благосостоянии академии от дежурных по номерам и от своих помощников (отца Августина и С. М. Сольского).

Раз в два года Филарет приходил в академический корпус. Он обходил номера и вступал в беседы со студентами по научным или по другим каким-либо вопросам.

Важное место в академическом курсе отводилось написанию сочинений и проповедей. Ежегодно писалось по шесть сочинений и по одной проповеди. Так было в первые три года обучения в академии. На четвертом году писали курсовое сочинение и подавали одну проповедь. Лучшие проповеди назначались к произнесению в Братской церкви. Публика с большим вниманием слушала студенческие проповеди, и после выхода из церкви, делилась впечатлениями. Юных проповедников весьма интересовали отзывы богомольцев.

Посещение церкви в то время было для студентов делом обязательным. В зимнюю пору они ходили в теплый Свято-Духовский храм, а летом в соборный Братский. Соборный Братский храм был холодный, поэтому зимой службы в нем не проводились.

Службасовершаласьоченьторжественно,особенновбольшие праздники. Певчие и чтецы в такие дни особенно старались. Из священнослужителей составлялся большой собор, во главе с ректором. Службу в Братстве киевляне очень любили, и церковь всегда была полна народа.

Администрация академии требовала, чтобы студенты приходили к самому началу богослужения. Пред всенощной учащиеся предварительно собирались в общий зал, где инспектор мог провести переключку, а затем уже шли в церковь. В случае медлительности сборов в номера отправлялись помощники инспектора, чтобы поторопить запаздывающих. Помощник инспектора отец Августин всегда обращался к студентам с малороссийскими, шутивными фразами, вроде: «А ну ж, хлопцы! Скорийш!»

Пением студенты славились. Первый академический хор располагался на хорах, второй – занимал левый клирос.

На свободном правом клиросе во время богослужения становились именитые дамы, приходившие с Подола и приезжавшие со старого города. Студенты стояли за решеткой, куда

кроме них допускались лишь почетные лица, опять-таки преимущественно дамы. Впереди студентов стояли профессора В. Ф. Певницкий, И. И. Малышевский и другие, позади – помощники инспектора и молодые бакалавры.

Ректор Филарет всегда служил очень торжественно, поэтому служба его всем чрезвычайно нравилась. Инспектор обычно служил раннюю литургию, за которой студенты произносили проповеди (на поздней пели концерт).

Говение в то время для академистов было обязательным только на первой неделе Великого поста. Вторичное говение, на Страстной седмице, предоставлялось личному усердию самих студентов.

Что касается атмосферы, царившей внутри академического братства, то была она исключительно дружеской и теплой. Общение между студентами всех курсов было полное. Ни крупных ссор, ни вражды между студентами не замечалось. «Внутреннее сердечное единение было обильным источником лучших чувствований и переживаний, о которых и теперь сохраняются светлые воспоминания. Остроты, шутки и юмористические рассказы в часы досуга сыпались, как из рога изобилия», – вспоминал сокурсник Прокоповича.

Очень оживленно проходили дни чьих-нибудь именин. Обычно за полчаса до обеда, по особому извещению, собирались в номер к имениннику, где он предлагал поздравлявшим скромное угощение, «состоявшее в рюмке-другой водки, иногда с присовокуплением колбасы, которая считалась уже роскошью, а чаще с хлебом, посыпанным солью, – взятым из столовой...». О каких-либо кутежах и попойках в стенах академии или вне ее, студенты даже не помышляли. Во-первых, потому, что устраивать их было не на что, поскольку академисты были в основном народ бедный, а во-вторых, академическое начальство чрезвычайно строго следило за тем, чтобы в ком-либо не сформировалось пристрастие к винопитию, и беспощадно

увольняло из академии тех, кто оказывался замечен в пагубной наклонности к вину. В первый год обучения Прокоповича в академии с его курса были уволены трое, замеченные в не трезвости.

Несмотря на то, что режим в академии был достаточно строгий, тем не менее студенты не сидели в ней взаперти, так сказать в четырех стенах. Хотя продолжительных отлучек из корпуса (например, на ночь) не разрешалось, в дозволенные часы студенты выходили в город, посещали профессоров и знакомых. Профессора любезно принимали у себя студентов, и прежде всего земляки – земляков. Белорусы ходили к Ивану Игнатьевичу Малышевскому. Частенько там бывали вместе с Прокоповичем его земляки: сокурсник Иван Калинин, поступивший из Виленской духовной семинарии, учившиеся на два года старше – Андрей Вишневский из Минской семинарии, Александр Пригоровский и Василий Шимкович, оба из Могилевской семинарии. Позже в компании земляков Прокоповича появились студенты младшего курса Никанор Белявский, выпускник Виленской семинарии, Иван Зенкевич, из могилевских семинаристов, и Иосиф Пигулевский из Минской семинарии. Впрочем, нужно заметить, профессор Малышевский не строго придерживался землячества и одинаково любезно принимали всех к нему приходивших студентов.

Нередко бывал Прокопович в компании однокурсников и на Куренёвке, в семье у протоиерея Абрамовича, где чрезвычайно ласково принимали академическую братию. В большие праздники в гости к Абрамовичам Фавст с товарищами отправлялись большой компанией, сразу после литургии. В доме протоиерея студенты обедали и проводили время в разговорах и забавах до 8 часов вечера. Затем спешно, почти бегом, возвращались в академию, чтобы не опоздать на вечернюю молитву и возможную на ней инспекторскую перекличку. В летнее время, когда по случаю каникул инспекторский надзор ослабе-

вал, студенты засиживались на Куренёвке дольше, особенно в день храмового праздника, 29 июня.

Вначале учебы в академии Прокопович еще застал тот порядок, по которому экзамены производились два раза в год: пред Рождеством и в июне. Но вскоре зимние экзамены отменили, оставив только летние. Производились экзамены в комиссиях по всем предметам отдельно и не отличались особенной строгостью. Однако особое впечатление оставляли так называемые митрополичьи экзамены, производившиеся при переходе с младшего курса на старший и при окончании курса. Впечатляли эти экзамены не столько строгостью, сколько торжественной обстановкой.

Киевский митрополит Арсений (Москвин) лично производил экзамены в один день по нескольким предметам. Экзамен проходил в конгрегационном зале, куда с 9 часов утра собирались студенты в ожидании начала испытания. В 10 часов приезжал митрополит. Ему устраивалась торжественная встреча. Едва митрополичья карета, запряженная четверней, показывалась с Александровской улицы, начинался трезвон во все колокола на Братской колокольне. У ворот колокольни митрополита ожидали ректор, инспектор и все профессора в регалиях. Среди встречавших были также викарий Киевской епархии епископ Порфирий (Успенский) и члены Конференции – киевские протоиереи Н. А. Фаворов, Г. Н. Крамарев и А. И. Колосов. Выйдя из кареты, митрополит приветливо говорил встречавшим: «Здравствуйте». Все подходили к нему под благословение и затем шли в конгрегационный зал. При входе в зал митрополита, студенты начинали петь: «Царю Небесный», а затем, когда митрополит осенял всех благословением, – «Ис полла эти, деспота». Митрополит, викарий, ректор, инспектор, профессор и члены Конференции усаживались в кресла за столом, покрытым зеленым сукном. Секретарь Совета подходил к митрополиту с портфелем, в котором были билеты по разным дисципли-

плинам, и громко спрашивал: «По каким предметам изволите, Ваше Высокопреосвященство, экзаменовать господ студентов?» Митрополит назначал пять или шесть предметов, и секретарь сообщал о том студентам, сидящим за партами на некотором отдалении сбоку от стола комиссии. Затем раскладывал билеты по назначенным предметам, смешав их все вместе.

Митрополит брал список студентов и тихо называл чью-либо фамилию. Эту же фамилию громко повторял ректор. Сразу вызывали к столу по три-четыре человека. Вызванные подходили, кланялись митрополиту, брали билеты и отходили в сторону для подготовки к ответу. Митрополит часто прерывал студента вопросом, и студент должен был дать ответ. Епископ Порфирий тоже активно задавал вопросы, на которые сам же любил давать пространные ответы, так что митрополит иногда останавливал словоохотливого викария.

Отметки отвечающим студентам ставил сам митрополит. В два часа он прекращал экзамен, хотя бы и не все были опрошены. Список с баллами он забирал себе, говоря: «Я беру эти отметки с собою для своих соображений, а выставляйте, как сами знаете»... Все поднимались, студенты пели «Достойно» и «Ис полла», митрополит опять осенял всех благословением и направлялся со всеми членами-экзаменаторами к ректору на трапезу, которая затягивалась на несколько часов. После трапезы митрополита провожали через весь Братский двор до кареты, и он уезжал в Лавру при трезвоне братских колоколов.

Митрополичий экзамен был последним. На другой день после него проходило заседание Конференции по поводу экзаменов и делалось постановление о переводе студентов с младшего курса на старший и о выпуске из академии окончивших полный курс обучения.

Как уже говорилось, на четвертом году обучения студенты писали курсовое сочинение. Прокопович избрал для его написания тему: «Нравственное учение в сочинениях мужей апо-

стольских». Курсовые сочинения выпускники завершали неравномерно: кто-то к концу учебного курса, кто-то чуть позже, а кто-то спустя год и более. Были и такие, кто вовсе не завершал. По мере подачи сочинения утверждали в степени. Прокопович подал свое сочинение довольно поздно, спустя почти два года после завершения учебы.

Пред окончанием курса выпускникам выдали форменные вицмундиры черного цвета, шляпы, перчатки и трости. В вицмундирах они присутствовали на выпускном молебне и после молебна прощались с ректором²⁰.

Грустно было расставаться с академическими товарищами. Надо полагать Прокопович впоследствии переписывался с некоторыми из них.

После окончания академии Прокопович вернулся в родную семинарию, где после испытания – трех пробных лекций, был избран на кафедру гражданской истории и греческого языка (с 20 ноября 1869 г.). Вместе с тем возникла небольшая заминка с документами, необходимыми для утверждения в должности. У Прокоповича не оказалось на руках академического аттестата. Он оставался в канцелярии академии, поскольку выдавался выпускникам только после утверждения в ученой степени. На запрос семинарского Правления академия выслала лишь копию документа²¹.

Спустя неделю после избрания на преподавательскую кафедру, а именно 28 ноября, Прокоповича назначили семинарским библиотекарем (до 1888 г.). Занимавший до него эту должность и преподававший гражданскую историю в бытность Прокоповича семинаристом Иван Иванович Моисеев

²⁰ Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии : 1819–1920-е гг. – Т. 2 : К–П. – К. : Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2015. – С. 448–453.

²¹ Протоколы заседания Совета Киевской духовной академии // Труды Киевской духовной академии. – 1870. – Март. – С. 42.

в сентябре 1869 г. ушел на смотрительскую должность в Минское духовное училище²². Так что Фавсту Варфоломеевичу, можно сказать, крупно повезло, что в родной семинарии открылась вакансия.

11 сентября 1870 г. Прокопович сделался членом педагогического собрания. А с 1871 г. он стал еще преподавать в семинарии французский язык (по 1908 г.).

Осваиваясь в новом статусе преподавателя и библиотекаря, Прокопович продолжал дорабатывать курсовое академическое сочинение. Первую часть своего исследования он отправил в академию в августе 1870 г., и лишь спустя год – вторую²³.

Отзывы на поданное им сочинение рассматривались в Совете Киевской духовной академии 17 сентября 1871 г. Первым заслушали довольно пространный отзыв доцента Акима Олесницкого, признавшего сочинение очень хорошим.

Затем свой отзыв зачитал заслуженный ординарный профессор Константин Скворцов. Указывая на достоинства исследования Прокоповича, он в частности отметил, что автор «изложил свои суждения языком правильным и даже красивым». Несмотря на некоторые критические замечания, Скворцов также признал сочинение удовлетворительным.

Третий отзыв представил заслуженный ординарный профессор Дмитрий Поспехов. Указав на основные достоинства и недостатки исследования, профессор резюмировал: «Вообще сочинение его читается легко и производит приятное впечатление тем теплым христианским чувством и ясным представлением предмета, которые составляют его характер. Я признаю

²² Вержболович, М. О. Третий период существования Минской Духовной Семинарии (1840–1874) / М. О. Вержболович // Минские епархиальные ведомости. – 1897. – № 10. – С. 236–237.

²³ Протоколы заседания Совета Киевской духовной академии // Труды Киевской духовной академии. – 1872. – Январь. – С. 34.

его вполне удовлетворительным для получения ученой академической степени»²⁴.

В результате Совет академии постановил признать сочинение Прокоповича «Нравственное учение в сочинениях мужей апостольских» удовлетворительным, и как за само сочинение, так и за «очень хорошие успехи и отлично хорошее поведение в течении академического курса, удостоить его степени кандидата». Однако вновь возникла заминка. В Совете академии не имелось сведений от Правления Минской духовной семинарии о времени поступления Прокоповича на духовно-училищную службу. Формально лишь после получения этих сведений духовная академия могла ходатайствовать перед Святейшим Синодом об утверждении присвоенной Прокоповичу степени²⁵. В результате он был утвержден кандидатом только в 1872 г. Спустя несколько лет его кандидатское сочинение было опубликовано в «Минских епархиальных ведомостях»²⁶.

С 1872 г. Фавст Варфоломеевич помимо семинарии начинает преподавать гражданскую историю в Минской Мариинской женской гимназии (по 1883 г.).

Что касается специфики преподавания Прокоповича, то по воспоминаниям учеников, успешность в этом деле у него достигалась не одним только умелым применением методических правил, но во многом зависела от обаяния его личности и силы нравственного влияния. Это был редкий пример человека «гармонически уравновешенного, спокойного, отличавшегося какой-то особенной ясностью и невозмутимостью жизненного взгляда, подчинявшегося во всем удивительному

²⁴ Протоколы заседания Совета Киевской духовной академии // Труды Киевской духовной академии. – 1872. – Февраль. – С. 20–23.

²⁵ Там же. С. 24.

²⁶ Прокопович, Ф. В. Нравственное учение в сочинениях мужей апостольских / Ф. В. Прокопович // Минские епархиальные ведомости. – 1878. – № 3–8, 13.

чувству меры и порядка, и эти высокоценные черты своего характера он вносил и педагогическое дело»²⁷.

Помимо преподавательской деятельности Ф. В. Прокопович многие годы трудился в качестве члена Ревизионной комиссии Кирилло-Мефодиевского братства, действовавшего при семинарской церкви. Открыто оно было в 1886 г. с целью взять на себя заботу «об увеличении учебных и нравственно-воспитательных средств обучающихся в семинарии воспитанников и доставлении беднейшим из них средств к удовлетворению их крайних нужд или жизненных потребностей». Деятельность братства оказалась очень важной не только для семинарии, но и для епархиального духовенства, поскольку при общей его бедности появление такого попечительного органа о воспитанниках семинарии было крайне желанным. Акт открытия приурочили к 26 сентября – дню памяти Св. Апостола и Евангелиста Иоанна-Богослова – храмовому празднику семинарской церкви. Обставлено все было очень торжественно. Присутствовал архиерей, высшее губернское начальство, представители городского духовенства, начальствующие и преподаватели учебных заведений, и другие лица. В тот день, все присутствовавшие на торжественном акте, согласились стать членами братства. Тогда же избрали Совет братства, казначея, делопроизводителя и членов Ревизионной комиссии, куда и вошел Ф. В. Прокопович²⁸. Позже он избирался и в Совет братства²⁹.

²⁷ Кульчицкий Ст[ефан], священник. Слово, сказанное при погребении преподавателя Минской Духовной Семинарии Фавста Варфоломеевича Прокоповича за Божественной Литургией после причастия / священник Стефан Кульчицкий // Минские епархиальные ведомости. – 1912. – № 3. – С. 48–49.

²⁸ Рункевич, С. Г. Кирилло-Мефодиевское Братство при Иоанно-Богословской церкви Минской Духовной Семинарии / С. Г. Рункевич // Минские епархиальные ведомости. – 1886. – № 20. – С. 472–477.

²⁹ Отчет о состоянии Кирилло-Мефодиевского братства при церкви Минской Духовной Семинарии за 1901–1902 год // Минские епархиальные ведомости. – 1902. – № 20. – С. 399.

Примечательно, что спустя пару лет членом братства сделался его брат священник Флор.

20 ноября 1894 г. Ф. В. Прокопович отмечал 25-летие педагогической деятельности в Минской духовной семинарии. По этому случаю его коллеги «сочли своим приятным долгом лично приветствовать его и вместе с тем выразить ему одушевляющие их чувства глубокого уважения к его многолетней плодотворной деятельности и искренней ему преданности». 20-е число тогда пришлось аккурат на воскресенье. В тот день, после литургии в семинарском храме, коллеги собрались в квартиру к Прокоповичу, где один из них приветствовал Фавста Варфоломеевича речью с поднесением от сослуживцев небольшого ценного подарка. Не забыли и семинаристы «достойным образом приветствовать своего любимого учителя», пожелав ему еще много, много лет трудиться на избранном поприще на благо родной семинарии. Приветствовали юбиляра телеграммами и некоторые бывшие его ученики: шестеро студентов Варшавского университета, двое преподавателей Пинского духовного училища и др. Впрочем, даже в Минске немногие знали об исполнившемся 25-летию службы Прокоповича, так бы поздравлений было гораздо больше. Тем не менее поздравительные телеграммы приходили и на второй, и на третий день.

Следует заметить, что чествование носило совершенно частный, чисто семейный характер, будучи актом вежливости, внимания и уважения со стороны служащих в семинарии к своему сослуживцу³⁰.

Начальство тоже неоднократно отмечало усердные труды по духовно-учебной службе семинарского учителя Прокоповича. Уже к началу 1890-х гг. он имел чин статского советника.

³⁰ Двадцатипятилетие педагогической деятельности преподавателя Фавста Варфоломеевича Прокоповича // Минские епархиальные ведомости. – 1894. – № 24. – С. 712–714.

За усердную службу награждался орденами: Святого Станислава 2-й и 3-й степени и Святой Анны 2-й и 3-й степени.

В 1904 г. Ф. В. Прокоповичу в связи с 35-летием службы был пожалован орден Святого Владимира 4-й степени³¹. Этот орденский крест имел на поперечных концах с обеих сторон серебряную надпись: 35 летъ.

Но не только за службу поощрялся Прокопович. В 1898 г. Минский архиепископ преподавал ему архипастырское благословение и объявил благодарность «за пожертвование в пользу Нобельской Преображенской церкви»³².

Еще в 1890-е гг. скромный семинарский учитель Прокопович обзаводится собственным деревянным особнячком, да ни где-нибудь, а на главной улице города – Захарьевской (ныне проспект Независимости)³³. В эти же годы рядом с ним, через забор, каменный дом построил знаменитый минский врач Иван Устинович Зданович³⁴. Это именно от его фамилии происходит название поселка Ждановичи (Здановичи). Фавст Прокопович прекрасно знал еще его отца – Иустина Игнатьевича, многие годы преподававшего в Минской духовной семинарии естественную историю, сельское хозяйство и французский язык. Кроме того, как раз в бытность Прокоповича семинаристом Иустин Зданович исполнял должность помощника инспектора³⁵, что ставило его в более тесное каждодневное общение с учениками. Впрочем, Прокопович имел нрав тихий и покладистый, так что со стороны инспекции нареканий не вы-

³¹ Высочайшие награды // Минские епархиальные ведомости. – 1904. – № 10. – С. 155.

³² Благодарность епархиального начальства // Минские епархиальные ведомости. – 1898. – № 8 – С. 139.

³³ Прокопович проживал по адресу: Захарьевская, 105.

³⁴ Захарьевская 103.

³⁵ Вержболович, М. О. Третий период существования Минской Духовной Семинарии (1840–1874) / М. О. Вержболович // Минские епархиальные ведомости. – 1897. – № 12. – С. 270.

зывал. Таким он оставался и в зрелые годы. «В атмосфере нервного напряжения учительского труда мы почти никогда не видели его гневным, – вспоминал один из его коллег, – раздражительным, не слышали от него резких, укоризненных слов. И это тем более заставляло нас ценить всякое благородство его побуждений, нравственную чистоту его поступков, благодушную прямоту его отношений»³⁶.

Возможно, неслучайно Зданович-младший и Прокопович сделались соседями, поскольку были добрыми друзьями. Возможно. И уж наверняка Прокопович пользовался врачебными советами доктора Здановича. А болел он довольно часто, особенно после 50-ти. К сожалению, болезненность сказывалась отрицательно и на преподавательской деятельности, приходилось пропускать много уроков.

В 1903–1912 гг. в Минской духовной семинарии преподавал Дмитрий Васильевич Скрынченко, богослов, публицист, историк. Впоследствии он написал «Воспоминания», в которых в частности оставил краткие характеристики своих коллег, причем не всегда лицеприятные. Но вот, как он упомянул о Фавсте Варфоломеевиче: «очень милые старики Н. И. Антипович»³⁷

³⁶ Преподаватель Минской Духовной Семинарии Фавст Варфоломеевич Прокопович. Некролог // Минские епархиальные ведомости. – 1912. – № 3. – С. 49.

³⁷ Антипович Николай Иванович († 23.02.1908) – статский советник. Сын священника Минской губернии, выпускник Минской духовной семинарии, кандидат Киевской духовной академии (1865). По окончании академии определен преподавателем Священного Писания в Орловскую духовную семинарию. В том же году перемещен в Минскую семинарию преподавателем на кафедру философских наук, а в 1866 г. и еврейского языка. В 1867 г. избран членом педагогического собрания Правления, и в том же году преосвященным Михаилом (Голубовичем) назначен учителем гражданской истории и географии во вновь открытое Минское женское духовное училище. По определению Правления семинарии, в начале 1873 г. производил ревизию Слуцкого духовного училища. Кроме прочего с 1886 г. состоял законоучителем образцовой школы при семинарии, членом Минского епархиального Училищного Совета и школьной комиссии при нем. В 1895 г. удостоен звания старшего

и Прокопович были живой летописью школы и города»³⁸. Характеристика хотя и краткая, но очень ценная!

12 января 1912 г. Фавст Варфоломеевич в кругу родных и друзей отметил свое 70-летие. Еще 15-го был в семинарии. Затем занемог. И утром 18 января, тихо, без особых мучений, скончался. Известие о его смерти мгновенно облетело семинарию.

«Как молния, поразило наши юные сердца это печальное известие, – вспоминал ученик 4-го класса Савич. – Каждый из нас с трепетом, с каким-то ужасом, невольно улавливал эти роковые слова и, как бы не веря этим ужасным страшным словам о смерти, с отчаянием, с грустью, запечатлевал их в глубине своей души...»³⁹.

20 января в 9 часов утра, после панихиды, состоялся перенос тела Прокоповича в семинарский храм. Около часа продолжалось траурное шествие, в котором участвовала семинарская корпорация и все воспитанники. На заупокойную литургию в семинарский храм собрались многие минские пастыри во главе с бывшим ректором семинарии протоиереем Михаилом Источниковым: протоиерей Павел Афонский, священники Антоний Ленский, Ипполит Квачевский, Василий Павлюкевич, Стефан Кульчицкий, Владимир Плышевский, Иоанн Язвицкий, Лавр Васюкович и диаконы – Михаил Вишневский, Игнатий Козакевич, Артемон Герасимович. И перед литургией, и после нее произносились надгробные речи, посвященные почившему.

преподавателя семинарии. Выйдя в 1905 г. в отставку, продолжал занимать должности преподавателя еврейского языка в семинарии и законоучителя образцовой школы. За время службы награжден всеми наградами до ордена Св. Владимира 4 ст.

³⁸ Цит. по: Колмаков, В. Б. С Россией в сердце. Дмитрий Скрынченко. История жизни / В. Б. Колмаков. – Воронеж, 2012. – С. 67.

³⁹ Речь уч. IV кл. И. Савича // Минские епархиальные ведомости. – 1912. – № 3. – С. 55.

После панихиды преподаватели вынесли гроб на улицу, а до кладбища его несли семинаристы. На погребении присутствовали сын и дочь, а также многочисленные друзья и почитатели покойного⁴⁰.

Любовь к Фавсту Варфоломеевичу со стороны его воспитанников выразилась в частности и в том, что в его память было написано несколько стихотворений, опубликованных в «Минских епархиальных ведомостях». Приведем их и мы.

Памяти Фавста Варфоломеевича

Да. Он жил среди нас, муж святого труда...
Посвятивший для нас свою жизнь.
Он работал, трудился, покуда туда
Не ушел, куда надо уйти.

И о смерти его беспощадная весть
Для нас грустною, скорбною была;
Эта скорая, тихая, чистая смерть
Всех любивших сердца поразила.

Да и было, и было о чем пожалеть:
Он для нашего блага трудился.
Да, ведь есть же о чем поскорбеть:
Ведь отца точно круг наш лишился.

Он привязан был к нам. Любил нас как детей.
И всю силу свою положил,
Чтобы делать из нас умных, добрых людей,
Верных слуг Царю, Церкви, Руси.

⁴⁰ Преподаватель Минской Духовной Семинарии Фавст Варфоломеевич Прокопович. Некролог // Минские епархиальные ведомости. – 1912. – № 3. – С. 46.

Он не только для нас был хороший учитель,
Воспитатель он также наш был,
Нехороших поступков был вечный презритель,
Обличитель всегдашний наш был.

Теперь он ушел, и его уже не стало,
Осиротела семья,
Не видно его уже теперь, как бывало,
И им завладела земля.

Что же, отец ты наш добрый и нежный,
Незаменимый наш друг,
Спи под покровом твоим неизбежным
Позабудь про заботу и труд.

А мы за тебя, здесь будем молиться,
К Богу просьбы свои вознесем,
Чтобы позволил тебе поселиться
В чудном, дивном селении Своем.

Ученик 3 класса Семинарии Д. З.

Памяти Ф. В. Прокоповича

В могиле ты, наставник наш маститый,
Тебя взяла сырая мать земля,
Ты тихо спишь, на век от нас сокрытый,
Ни гласу нашему, ни плачу не внемля.
Но над холмом земли могильной над тобою
Не раз молитвенно подъятые персты
Окрестят взор, исполненный мольбою,
Чтоб в Божий рай переселился ты;

Чтоб честная душа твоя узрела
Небесной радости утеху и покой
И вместе с Ангелами пела

Хвалу Творцу в обители святой!
Достойно ты на Божьей ниве
Почти полвека прослужил,
Как верный раб и не ленивый,
И тихо в Бозе опочил.

Ты не герой; на пир кровавый
Повесть ты воинов не мог,
Но ты был рыцарь лучшей славы, –
Ты был отличный «педагог!»

Из тысячей тобой учимых
Никто не помянет, сердечно не любя,
Твоих манер, твоих остроумных,
Твой умный взор и... самого тебя.

Лицо твое серьезностью дышало,
Слова и речь – уверенно тверда
И эта речь невольно призывала
К серьезности учебного труда.

Не выучить урок казалось прямо стыдно,
Так укорителен был твой незлобный взор
И тяжело было, хотя и не обидно, –
Твой заслужить отеческий укор...

Прости ж меня, наставник милый,
Что, движимый сердечною тоской,

И тишину родной для нас могилы,
И вечный твой тревожу я покой!

Пошли тебе, Господь, на небе утешенье
За то, что ты усердно нас учил;
Душе ж твоей дай вечное спасенье, –
Трудом своим его ты заслужил.

*Священник Делятичской церкви
Александр Нещеретов.*

Тем морозным утром, когда хоронили Ф. В. Прокоповича, никто даже представить себе не мог, что и само учебное заведение доживает последние свои годы. Впереди будет еще три обычных мирных выпуска. Еще на выпускных виньетках и в альбомах будет фотография Фавста Варфоломеевича. Но с началом Мировой войны учебный процесс посыплется. Затем будет экстренная эвакуация семинарского имущества в Рязань. Возвращение. Правда, возвращение в никуда, поскольку здание будет почти целиком занято под военные нужды. Еще будут sporadические попытки настроить учебный процесс, но в 1918 г. Минская духовная семинария прекратит свое существование.

Источники и литература

1. Архив С.-Петербургского Института истории РАН. – Ф. 52. Оп. 2. Карт. 13. № 6/39.
2. Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг. : Материалы из собрания проф. протоиерея Ф.И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский]. – Т. 2: К–П. – К. : Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2015. – 624 с., ил.

3. Благодарность епархиального начальства // Минские епархиальные ведомости. – 1898. – № 8 – С. 139.

4. Вержболович, М. История Минской Духовной Семинарии. Третий период ее существования (1840–1874 гг.) / М. Вержболович // Минские епархиальные ведомости. – 1902. – № 5. – С. 112–119.

5. Выписка из журнала педагогического собрания правления Минской духовной семинарии от 25 июня сего 1881 г. за № 14 // Минские епархиальные ведомости. – 1881. – № 15. – С. 260.

6. Высочайшие награды // Минские епархиальные ведомости. – 1904. – № 10. – С. 155.

7. Двадцатипятилетие педагогической деятельности преподавателя Фавста Варфоломеевича Прокоповича // Минские епархиальные ведомости. – 1894. – № 24. – С. 712–714.

8. Записки Иосифа, митрополита литовского, изданные Академией наук по завещанию автора. Т. 3. – [Важнейшие распоряжения преосвященного Иосифа, выписанные из Протоколов Литовской духовной консистории; Алфавитный указатель личных имен, упоминаемых в Записках ... сост. М. М. Козловским]. – СПб. : Тип. Акад. наук, 1883. – IV, 1402 стб., 1 л. фронт. (портр.).

9. Колмаков, В. Б. С Россией в сердце. Дмитрий Скрынченко. История жизни / В. Б. Колмаков. – Воронеж, 2012. – 400 с., 1 вкл.

10. Кульчицкий Ст[ефан], свящ. Слово, сказанное при погребении преподавателя Минской Духовной Семинарии Фавста Варфоломеевича Прокоповича за Божественной Литургией после причастия / священник Стефан Кульчицкий // Минские епархиальные ведомости. – 1912. – № 3. – С. 46–50.

11. Лісейчыкаў, Д. Святар у беларускім соцыуме: праспаграфія ўніяцкага духавенства 1596–1839 гг. / Дзяніс Лісейчыкаў. – Мінск, 2015. – 719 с., [16] л. іл.

12. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. – [Т. 15], ч. 2 : Минская губерния. Ч. 2 / сост. И. Зеленский. – СПб. : Гл. упр. Генер. штаба, 1864. – [2], VIII, IV, V, 701 с., [16] л. табл. : табл.

13. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 136. Оп. 1. Д. 40668. – Клировые ведомости Пинского уезда за 1840 г.

14. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 40740. – Клировые ведомости Пинского уезда за 1850 г.

15. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 40825. – Клировые ведомости Пинского уезда за 1860 г.

16. Нещеретов А., свящ. Памяти Ф. В. Прокоповича (стихотворение) / священник А. Нещеретов // Минские епархиальные ведомости. – 1912. – № 5. – С. 97–98.

17. Нобель літописний (бібліографічна розвідка) / Зарічненська ЦРБ. – Зарічне, 2018. – 18 с.

18. Описание церквей и приходов Минской епархии, составленное по официально затребованным от причтов сведениям : Пинский уезд. – Минск : Типо-лит. Б. И. Соломонова, 1879. – 210 с.

19. Отчет о состоянии Кирилло-Мефодиевского братства при церкви Минской Духовной Семинарии за 1901–1902 год // Минские епархиальные ведомости. – 1902. – № 20. – С. 392–399; № 21. – С. 415–420.

20. Памяти Фавста Варфоломеевича (стихотворение) // Минские епархиальные ведомости. – 1912. – № 3. – С. 61–62.

21. По поводу освящения Нобельской церкви Пинского уезда // Минские епархиальные ведомости. – 1889. – № 18. – С. 512–519.

22. Преподаватель Минской Духовной Семинарии Фавст Варфоломеевич Прокопович. Некролог // Минские епархиальные ведомости. – 1912. – № 3. – С. 45–46.

23. Прокопович, Ф. В. Нравственное учение в сочинениях мужей апостольских / Ф. В. Прокопович // Минские епархиальные ведомости. – 1878. – № 3–8, 13.

24. Прокопович, Ф. Речь, читанная учителем Семинарии, Фавстом Варфоломеевичем Прокоповичем, 12 декабря 1877 г. в семинарском зале в день празднования столетнего юбилея со дня рождения Императора Александра I / Ф. Прокопович // Минские епархиальные ведомости. – 1878. – № 1. – С. 1–13.

25. Протоколы заседания Совета Киевской духовной академии // Труды Киевской духовной академии. – 1870. – Март. – С. 1–56.

26. Протоколы заседания Совета Киевской духовной академии // Труды Киевской духовной академии. – 1872. – Январь. – С. 1–44.

27. Протоколы заседания Совета Киевской духовной академии // Труды Киевской духовной академии. – 1872. – Февраль. – С. 1–84.

28. Речь ученика II кл. Н. Заусцинского // Минские епархиальные ведомости. – 1912. – № 3. – С. 59–61.

29. Речь ученика VI класса В. Новицкого // Минские епархиальные ведомости. – 1912. – № 3. – С. 52–55.

30. Речь уч. IV кл. И. Савича // Минские епархиальные ведомости. – 1912. – № 3. – С. 55–57.

31. Речь уч. V кл. С. Кобы // Минские епархиальные ведомости. – 1912. – № 3. – С. 50–52.

32. Речь уч. VI кл. В. Ольшевского // Минские епархиальные ведомости. – 1912. – № 3. – С. 57–59.

33. Российский государственный исторический архив. – Ф. 802. Оп. 10 (1905 г.). Д. 54.

34. Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки, состоящей под августейшим покровительством его императорского высочества государя наследника цесаревича Алек-

сандра Александровича: [Труд Петра Гильтебрандта]. – Вып. 1. – Вильна: Вилен. публ. б-ка, 1871. – XIV, [2], 230 с.

35. Рункевич, С. Г. Кирилло-Мефодиевское Братство при Иоанно-Богословской церкви Минской Духовной Семинарии / С. Г. Рункевич // Минские епархиальные ведомости. – 1886. – № 20. – С. 472–477.

36. Свято-Преображенська церква с. Нобель // Зарічненщина: духовні скарби регіону. Бібліографічний посібник. – Зарічне, 2015. – С. 52–56.

37. Сомкович Иулиан, священник. Протоиерей Флор Варфоломеевич Прокопович. (Некролог) / священник Иулиан Сомкович // Минские епархиальные ведомости. – 1905. – № 6. – С. 118–122.

«MAN OF HOLY LABOR»: SEMINARY TEACHER FAVST VARFOLOMEEVICH PROKOPOVICH (1842-1912)

Priest Gordey Shcheglov

Abstract. In the article, on the basis of archival and printed sources, an attempt is made to reconstruct the biography of one of the teachers of the Minsk Theological Seminary of the pre-revolutionary period, namely Favst Varfolomeevich Prokopovich (1842–1912). Even his contemporaries-colleagues drew attention to his long, more than 40 years, teaching work as «a feat worthy of being noted in the history of our theological school». It was this wish that prompted the writing of this biographical sketch.

Keywords: Nobel, Prokopovich, Minsk Theological Seminary, Kiev Theological Academy, teacher, poetry.

For citation: *Shcheglov Gordey, priest.* «Man of Holy Labor»: seminary teacher Favst Varfolomeevich Prokopovich (1842–1912). *Scientific works of Minsk Theological Seminary*, 2021, no. 1, pp. 47–83.